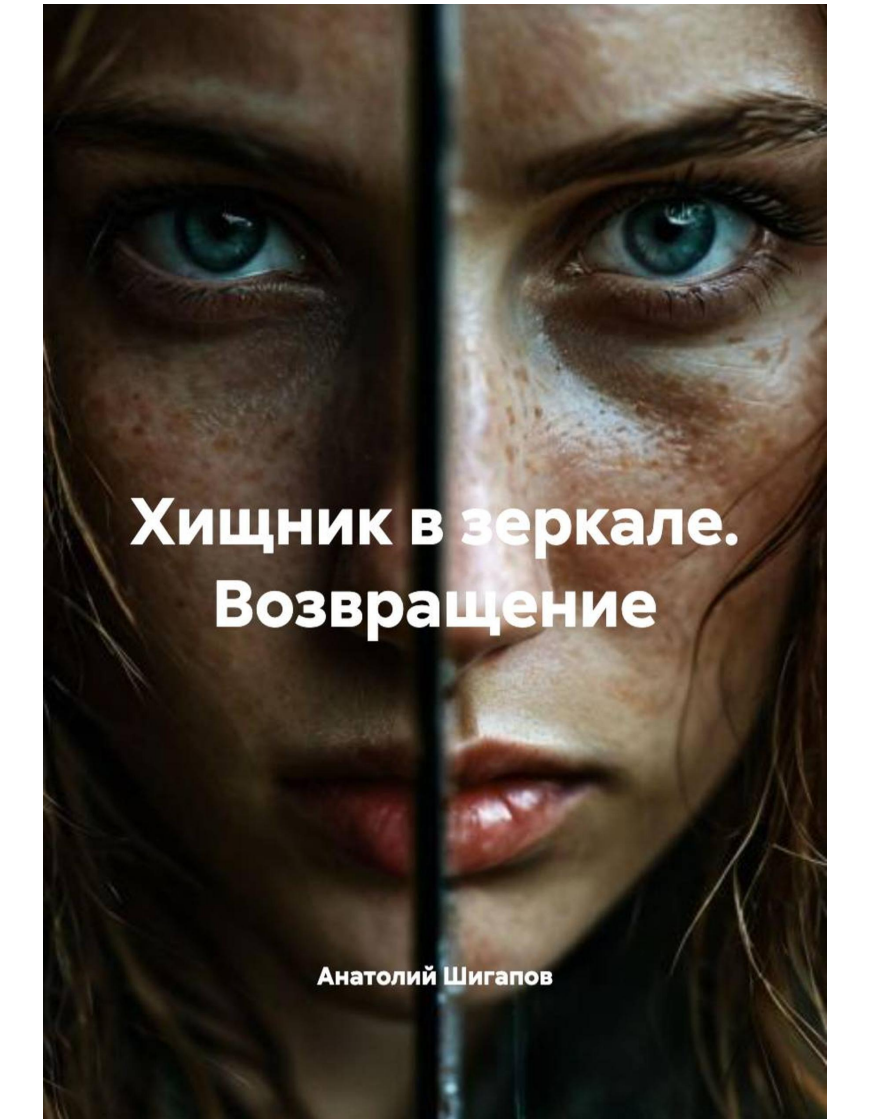

Хищник в зеркале. Возвращение

Анатолий Шигапов

Анатолий Шигапов
Хищник в зеркале.
Возвращение
Серия «ХИЩНИК В
ЗЕРКАЛЕ», книга 3

*<https://litres.ru/73541984>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Крупный план женского лица (Элис), разделённого по вертикали на две половинки. Одна половина — в свете, с решительным взглядом, вторая — в тени, с отражением старой фотографии трёх детей, стоящих на крыльце (отсылка к тайнам прошлого). В тёмной половине, в глубине, едва угадывается фигура человека в плаще, наблюдающего из леса. Лицо модели выражает одновременно страх и решимость. Фон размыт, но угадываются очертания психиатрической клиники с зарешеченными окнами..

Анатолий Шигапов

Хищник в зеркале.

Возвращение

Моей сестре.

С детства ты любила такие истории – мрачные, запутанные, где за каждым углом тайна, а на последней странице ждёт разгадка. Ты научила меня не бояться темноты, а искать в ней ответы. Ты была моим первым читателем, моим самым строгим критиком и самой тёплой поддержкой.

Эта книга – для тебя. Спасибо, что всегда верила.

От автора

Дорогой читатель,

Эта история родилась не из желания написать бестселлер и не из холодного литературного расчёта. Она родилась из вопросов, которые каждый из нас хоть раз задавал себе в минуты тишины: кто мы? Откуда пришли? Что делает нас семьёй – кровь или нечто большее?

Я часто думал о том, как мало мы знаем о своих близких. Мы живём рядом, дышим одним воздухом, но внутри каждого – целая вселенная, о которой мы не подозреваем. Там,

в глубине, хранятся тайны, страхи, надежды, воспоминания, которыми никто никогда не делился. И иногда эти тайны вырываются наружу, переворачивая всё, что мы считали незыблемым.

Эта книга – о таких тайнах. О том, как прошлое настигает нас в самый неожиданный момент. О том, как люди, которых мы считали потерянными, возвращаются. О том, как ненависть, которую мы впитали с детства, может обернуться любовью. И о том, как трудно – и как необходимо – прощать.

В моей жизни были моменты, когда я чувствовал себя абсолютно потерянным. Когда казалось, что вокруг только тьма и нет ни одного луча света. И в эти моменты меня спасали люди. Не герои из книг, не вымышленные персонажи, а самые обычные люди – с их слабостями, страхами, сомнениями. Они просто были рядом. Держали за руку. Говорили, что всё будет хорошо. И я верил.

Эту веру я попытался вложить в своих героев. Элис, Лина, Дэвид, Миранда, Алекс, Виктор – все они несут в себе частичку тех, кто когда-то помог мне. Частичку моей семьи, моих друзей, моих учителей. Они ошибаются, падают, предаются, но в конце концов находят в себе силы подняться. Потому что рядом есть те, кто поможет встать.

Я не хочу учить вас жизни. Я не знаю, как правильно. Я только знаю, что нет ничего важнее, чем чувствовать, что ты кому-то нужен. Что есть люди, которые будут ждать тебя, даже когда весь мир отвернётся. Что семья – это не те, с кем

ты связан кровью, а те, кто готов пролить свою кровь за тебя.

Эта книга полна боли. В ней есть смерть, насилие, предательство. Но в ней есть и свет. Потому что без света нет тьмы. Потому что только пройдя через ад, можно оценить рай. Потому что только потеряв, мы начинаем ценить то, что имеем.

Я писал эту историю для тех, кто когда-либо чувствовал себя одиноким. Для тех, кто терял близких и не знал, как жить дальше. Для тех, кто искал себя и не находил. Для тех, кто боялся темноты и не верил, что рассвет наступит.

Он наступает всегда. Всегда. Даже когда кажется, что ночь будет длиться вечность. Просто нужно дожить до утра. Дожить и увидеть, как первые лучи солнца касаются верхушек деревьев. Дожить и понять, что ты не один.

Если после прочтения этой книги вы обнимете своих близких – я буду считать свою миссию выполненной. Если вы позвоните тем, кого давно не слышали – я буду счастлив. Если вы простите того, кого долго не могли простить – я буду горд.

А если вы просто закроете книгу и задумаетесь о чём-то важном – значит, всё было не зря.

Спасибо, что вы со мной. Спасибо за ваше время, ваши эмоции, вашу жизнь, которой вы поделились со мной на этих страницах.

Помните: пока есть те, кто вас любит, вы никогда не будете по-настоящему одиноки.

С благодарностью и надеждой,

Анатолий Шигапов

Глава 1. Год спустя

«Время не лечит. Это самая большая ложь, которую мы рассказываем себе, чтобы выжить. Время просто прячет боль глубоко под кожу, где она пульсирует, ждёт, набирается сил. А потом, когда ты меньше всего этого ждёшь, когда ты уже почти поверил, что всё позади, она вырывается наружу – и разрывает тебя на части заново».

Из дневников специального агента Элис Вуд

Нью-Йорк встретил утро привычным серым небом. Дождь моросил уже третий день подряд, превращая улицы Манхэттена в бесконечные зеркальные коридоры, в которых отражались огни такси, витрины магазинов, лица прохожих, спешащих по своим делам. Город жил своей жизнью – шумной, суетливой, равнодушной. Город не замечал, что для одного человека время остановилось ровно год назад.

Элис сидела в своём кабинете в федеральном здании на Нижнем Манхэттене и смотрела в одну точку. Перед ней лежало раскрытое дело – очередное похищение, очередной пропавший ребёнок, очередная семья, чья жизнь рухнула в одно мгновение. Год назад она взялась бы за него с яростью, с отчаянием, с той сверхъестественной способностью влезать в голову преступника, которая делала её лучшим профайлером в отделе.

Сегодня она просто смотрела на фотографию девочки с

косичками и не чувствовала ничего. Пустота. Холодная, выжженная пустота внутри.

– Элис, – Марти возник в дверях с двумя стаканчиками кофе. Он всегда появлялся именно так – неожиданно, но вовремя. – Ты опять не спала?

– Спала, – ответила она, принимая кофе. Руки её слегка дрожали. – Четыре часа. Роскошь.

– Четыре часа – это не роскошь, это катастрофа. – Марти сел напротив, внимательно вглядываясь в её лицо. – Ты выглядишь как привидение. Когда ты последний раз ела?

– Вчера. Кажется.

– Элис, так нельзя. Я понимаю, тебе тяжело, но...

– Марти, – перебила она, – отстань. Пожалуйста. Я работаю.

Он вздохнул, но спорить не стал. За год он привык к этим разговорам. Привык к её отстранённости, к её молчанию, к тому, что лучший агент отдела превратился в тень самой себя. Начальство смотрело сквозь пальцы – Элис Вуд слишком много значила для ФБР, чтобы списать её из-за «временных трудностей». Но Марти знал: если так пойдёт дальше, она долго не продержится.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь. – Я внизу, если что. И, Элис... может, сходишь к врачу? Не к нашему, к нормальному?

– Схожу, – соврала она.

Он ушёл, а Элис снова уставилась в окно. Дождь стекал по

стеклу мутными ручьями, размывая очертания города. Она думала о том, что ровно год назад, в этот самый день, она сидела на скамейке в парке и смотрела, как Лина уходит в серую дымку. Год. Целый год тишины.

Ни письма, ни звонка, ни намёка. Лина, Миранда, Алекс – все исчезли, растворились, как утренний туман. Иногда по ночам Элис просыпалась от собственного крика – ей снилось, что они погибли, что Гаррисон нашёл их и убил, что она больше никогда их не увидит. А иногда снился Дэвид. Он стоял на качелях в старом саду и улыбался, а потом качели обрывались, и он падал в огонь.

Она носила его записку в нагрудном кармане, прижимая к сердцу. Бумага истёрлась на сгибах, слова почти стёрлись, но она помнила их наизусть: «Я люблю вас всех. Берегите друг друга». Они не сберегли. Они разбежались в разные стороны, как тараканы от света.

Внезапно телефон на столе зажужжал. Элис посмотрела на экран – незнакомый номер, зашифрованный, с международным кодом, которого она не знала. Сердце пропустило удар. Она схватила трубку.

– Алло?

Молчание. Потом тихий, едва различимый шёпот:

– Элис... это я.

У неё перехватило дыхание. Лина.

– Лина? Господи, Лина! Ты где? Ты жива? С тобой всё в порядке?

– Тихо, – голос сестры звучал напряжённо, испуганно. – Не говори громко. Я не могу долго говорить. Слушай внимательно.

– Да, да, я слушаю.

– Он вернулся.

– Кто? – спросила Элис, хотя уже знала ответ.

– Гаррисон. Он вышел на нас. Вышел на Миранду. Мы в опасности. Я не знаю, что делать.

– Где вы?

– Не спрашивай. Так безопаснее. Но мы должны встретиться. Есть одно место. Ты помнишь старый дом? Тот, что сгорел?

– Да.

– Там, недалеко, есть лесная сторожка. Отец когда-то построил её для охоты. Она цела. Приезжай через три дня, на закате. И никому не говори. Если Гаррисон узнает...

– Я поняла. Лина...

– Что?

– Я скучала. Я так скучала.

На том конце провода послышался всхлип.

– Я тоже, сестра. Я тоже.

Связь прервалась.

Элис долго сидела, прижимая трубку к уху, слушая гудки. Потом медленно положила её на рычаг. Руки тряслись так сильно, что пришлось сжать их в кулаки.

Гаррисон вернулся. И сестра звала её.

Она встала, подошла к окну. Дождь кончился, и сквозь тучи пробивался слабый луч солнца. Впервые за долгое время Элис почувствовала, как внутри загорается что-то, похожее на надежду.

Она найдёт их. Она защитит их. Чего бы это ни стоило.

Три дня тянулись бесконечно. Элис взяла отпуск, сказав Марти, что ей нужно съездить к родственникам. Он не поверил, но спорить не стал – только положил руку на плечо и сказал: «Будь осторожна». Она кивнула.

Машину она взяла служебную, но номер перебила – навыкигодились. Оружие, документы, деньги, аптечка. Всё, что может понадобиться в случае опасности.

Дорога до старого дома заняла три часа. Она ехала по знакомым местам – леса, просёлки, заброшенные деревни. Места, где год назад она искала правду и нашла семью. А теперь искала снова.

Лесная сторожка оказалась маленьким бревенчатым домиком на опушке, почти скрытым зарослями орешника. Элис заглушила двигатель и несколько минут сидела, вслушиваясь в тишину. Только птицы и ветер.

Она вышла из машины, держа руку на кобуре. Подошла к двери, толкнула – не заперто.

Внутри было темно, пахло сыростью и старой древесиной. Но в углу горела свеча, а рядом с ней сидела Лина.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, словно не веря своим глазам. Потом одновременно бросились в объ-

тия.

– Сестра, – прошептала Лина, прижимаясь к ней. – Ты приехала.

– Я всегда приеду, – ответила Элис, чувствуя, как по щекам текут слёзы. – Только позови.

Они сидели на полу сторожки, держась за руки, и говорили, говорили, говорили. Лина рассказала, что они с Мирандой и Алексом скрывались в Канаде, в маленькой деревне, где никто не задавал вопросов. Миранда почти оправилась, начала учиться, строить планы. Алекс работал лесорубом, стараясь забыть прошлое. Всё было хорошо – до тех пор, пока три недели назад она не увидела знакомую фигуру на окраине деревни. Гаррисон. Он выследил их.

– Мы успели уйти, – говорила Лина, нервно теребя край куртки. – Но он знает, где мы были. Он знает, что мы где-то рядом. Он не остановится.

– Мы справимся, – твёрдо сказала Элис. – Вместе.

– Ты не понимаешь. – Лина подняла на неё глаза. – Он не один. У него есть люди. И он хочет не просто убить нас – он хочет завладеть тем, что осталось от отца.

– Документами?

– Да. Он считает, что у нас есть что-то, чего он не нашёл. Какие-то бумаги, способные его уничтожить.

– А у вас есть?

Лина помолчала, потом кивнула.

– Были. Мы нашли их случайно, когда прятались. В доме

отца, в тайнике за камином. Но они... они исчезли.

– Исчезли?

– Кто-то забрал их. Не Гаррисон. Кто-то другой.

Элис почувствовала, как внутри разрастается холод. Кто-то ещё следит за ними.

– Лина, – сказала она медленно, – есть кое-что, что ты должна знать. Я нашла его.

– Кого?

– Нашего отца. Он жив.

Глава 2. Могила без имени

«Кладбища – странные места. Они полны тишины, но в этой тишине слышны голоса всех, кто когда-то ушёл. Они полны покоя, но под каждым камнем бьётся пульс неоконченных историй. Я стояла перед могилой человека, которого считала отцом, и вдруг поняла: смерть – это не конец. Это только начало новой лжи. И когда земля под ногами начинает шевелиться, когда из-под надгробий выползают скелеты, которые ты сам похоронил в своей памяти, остаётся только бежать. Или принять бой».

Из дневников специального агента Элис Вуд

Секунды тянулись бесконечно, как расплавленный сахар, застывающий в причудливые формы. Лина смотрела на Элис так, словно та сказала что-то на незнакомом языке – может быть, на мёртвом, на том, на котором говорят только призраки. Глаза её расширились до невозможности, зрачки затопи-

ли радужку, превратив глаза в два чёрных омута. Лицо побледнело ещё сильнее, чем минуту назад, – если это вообще было возможно, – и она медленно, словно во сне, опустилась на пол, прислонившись спиной к холодной бревенчатой стене.

– Что ты сказала? – переспросила она шёпотом. Не голосом – дыханием, воздухом, который едва выходил из лёгких. – Наш отец? Филип Новак? Он погиб в пожаре пятнадцать лет назад. Я видела его тело. Мы все видели. Я стояла рядом, когда его хоронили. Я бросала землю на гроб. Я чувствовала запах сырой глины и собственного отчаяния. Этого не может быть.

– Ты видела то, что тебе показали, – Элис присела рядом, взяла сестру за руки. Пальцы Лины были ледяными, как у покойника, и Элис сжала их крепче, пытаясь передать хоть немного тепла. – Гаррисон инсценировал его смерть. Подставил другое тело, уничтожил документы, замел следы. Это было нетрудно – в хаосе пожара, в дыму, в суматохе. Кто бы проверял? Кто бы сомневался? Главный врач клиники сказал, что Новак мёртв, – значит, так оно и есть. А отец всё это время был жив. Скрывался. Ждал.

– Ждал? – Лина покачала головой, и это движение было таким медленным, таким механическим, словно она пыталась стряхнуть наваждение. – Чего? Чего он ждал пятнадцать лет? Пока мы сгнием в подвалах? Пока Саймон сойдёт с ума от одиночества и начнёт писать книги о смерти? Пока ме-

ня будут колоть транквилизаторами и бить током? Чего он ждал, Элис? Скажи мне!

Голос её сорвался на крик, но это был не крик – это был вой раненого зверя, который наконец нашёл в себе силы заговорить. Элис прижала её к себе, чувствуя, как сотрясается худенькое тело.

– Не своей, – прошептала она, глядя сестру по голове. – Он тоже скрывался. Гаррисон охотился за ним. Если бы он вышел из тени, его бы убили. И нас вместе с ним. Ты думаешь, ему было легко? Ты думаешь, он не хотел прибежать, обнять, спасти? Хотел. Но не мог.

– Откуда ты знаешь? – Лина отстранилась, посмотрела на неё воспалёнными глазами. – Откуда ты вообще это взяла? Кто тебе сказал? Гаррисон? Он мастер лжи. Может быть, это очередная его игра?

– Я встретила его. – Элис произнесла это тихо, но каждое слово упало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами, которые невозможно остановить. – Год назад. После того, как ты ушла. Я была в таком состоянии, что не могла работать, не могла спать, не могла есть. Марти заставил меня пойти к психиатру. Он нашёл специалиста, сказал, что это лучший в городе. Я пришла в кабинет на Верхнем Ист-Сайде, села в кресло, и увидела его.

Лина замерла. Дыхание остановилось. Даже огонь в печке, казалось, перестал трещать.

– Ты видела его? – переспросила она шёпотом. – Говорила

с ним? Прикасалась к нему?

– Да. Он назвался доктором Фрименом. Сказал, что специализируется на посттравматическом синдроме, на работе с людьми, пережившими насилие. Я сидела и рассказывала ему о своих кошмарах, о снах, о голосах. А он слушал и смотрел на меня этими глазами... я не узнала их тогда. Думала, просто внимательный доктор. А потом, когда я уже уходила, я увидела на его столе фотографию.

– Фотографию? – эхом отозвалась Лина.

– Да. Мы с тобой на крыльце. Маленькие. Ты сидишь, обняв меня за плечи, и улыбаешься. А рядом стоит мальчик. Чуть постарше. С такими же глазами, как у него. Это был он, Лина. В детстве. Я смотрела на этот снимок и не могла дышать.

– И ты не сказала мне? – Лина высвободилась из её объятий, отодвинулась. В глазах её появилось что-то новое – не боль, не отчаяние, а холодное, тяжёлое, как надмогильная плита. – Целый год ты молчала? Знала, что наш отец жив, что он где-то рядом, что он смотрит на нас, – и молчала?

– Я не знала, как, – Элис отвернулась, пряча глаза. – Я сама не могла в это поверить. Думала, что схожу с ума, что это галлюцинация, что память играет со мной злые шутки. Я вернулась в тот кабинет на следующий день – его не было. Соседние кабинеты были пусты, табличку сняли, никто ничего не знал. Слово его и не существовало.

– Или он снова спрятался.

– Или снова спрятался, – согласилась Элис. – Но потом, когда ты исчезла, когда я осталась одна, я начала искать. Перерыла все архивы, все базы данных, все старые дела. И нашла. Филип Новак не умер в 2005 году. Он сменил имя, документы, внешность. Жил в разных городах, работал психологом, помогал людям. Всё это время он был рядом. Следил за нами. Знал каждый наш шаг.

– Откуда ты знаешь, что следил? – Лина прищурилась.

– Потому что я нашла доказательства. Фотографии, отчёты, записи. Он нанял людей, которые наблюдали за тобой в клинике, за Дэвидом в Нью-Йорке, за мной. За Мирандой, когда её нашли. За Алексом, когда он скрывался. Он знал всё. Он ждал.

– Чего?

– Подходящего момента. Когда Гаррисон ослабнет, когда мы будем готовы. Когда сможет помочь, не подвергая нас опасности.

Лина закрыла глаза. По щекам её текли слёзы – крупные, тяжёлые, медленные. Они падали на колени, на пол, и в тишине сторожки их капли звучали как удары сердца.

– Значит, у меня снова есть отец, – прошептала она. Голос её звучал глухо, как из глубокого колодца. – И я даже не знаю, радоваться мне или ненавидеть его. Потому что если бы он вышел раньше... если бы он не спрятался... может быть, Дэвид был бы жив. Может быть, я не провела бы десять лет в этом аду. Может быть, всё было бы иначе.

– А может быть, мы все были бы мертвы, – тихо ответила Элис. – Ты думаешь, Гаррисон позволил бы нам жить, если бы знал, что отец рядом? Он бы уничтожил всех. Не задумываясь.

– Я не знаю, что думать, – Лина открыла глаза, посмотрела на сестру. – Я не знаю, что чувствовать. Внутри такая пустота... такая тяжесть... Словно я снова в подвале, снова одна, снова жду смерти.

– Ты не одна, – Элис взяла её за руки. – Слышишь? Ты не одна. Мы вместе. И мы найдём его. Мы спросим. Мы узнаем правду. А потом решим, что делать.

– А если правда окажется слишком страшной?

– Она уже была страшной. Мы выдержали. Выдержим и это.

Они сидели молча, каждая переваривая новость, которая переворачивала всё с ног на голову. В сторожке было холодно, и Элис подбросила дров в маленькую печку. Огонь затрещал, отбрасывая пляшущие тени на стены, и эти тени казались живыми – они двигались, дышали, наблюдали.

– Где он сейчас? – спросила Лина, глядя на огонь.

– Не знаю. После той встречи я пыталась его найти, но кабинет оказался закрыт, а доктор Фримен исчез. Словно его и не было. Я проверяла все морги, все больницы, все полицейские участки. Ничего.

– Или он снова спрятался.

– Или снова спрятался, – согласилась Элис. – Но я думаю,

он где-то рядом. Он знает о Гаррисоне. Он знает, что мы здесь. И он появится. Обязательно появится.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что он всегда появлялся. Когда мы были в опасности, когда нам грозила смерть, когда мы теряли надежду – он был рядом. Мы просто не знали об этом.

Лина помолчала, обдумывая её слова. Потом медленно кивнула.

– Наверное, ты права. Но сейчас не до него. Нам нужно найти Миранду и Алекса. И убраться отсюда, пока Гаррисон не вышел на нас.

– Они в безопасном месте? – спросила Элис.

– Да. В двадцати милях отсюда, в старой хижине в горах. Я не хотела рисковать, везти всех сюда. Если Гаррисон найдёт это место, то хотя бы не найдёт их.

– Правильно сделала. Завтра на рассвете поедem за ними.

– А сегодня?

– Сегодня мы будем ждать. И готовиться.

Ночь прошла тревожно. Элис почти не спала, прислушиваясь к каждому шороху за стеной. Ветер выл в трубе, ветки царапали стёкла, где-то вдалеке ухала сова – и каждый звук казался угрозой, приближением чего-то неизбежного и страшного.

Лина дремала, но тоже вздрагивала во сне, что-то бормотала, сжималась в комок, словно пытаясь защититься от невидимого врага. Элис смотрела на неё и думала о том,

сколько боли вмещает в себя это худенькое тело. Десять лет молчания, десять лет одиночества, десять лет ожидания смерти. И теперь, когда, казалось бы, всё позади, прошлое снова возвращается, чтобы напомнить о себе.

Около трёх часов ночи Элис всё же провалилась в тяжёлый сон без сновидений – глубокий, чёрный, как смоль. Но спала она недолго. Разбудил её резкий звук – хруст ветки под чьей-то тяжёлой ногой. Она мгновенно вскочила, выхватывая пистолет, который всё это время лежал рядом на полу.

Лина уже стояла у окна, прижавшись к стене, и смотрела в щель между ставнями.

– Там кто-то есть, – прошептала она, не оборачиваясь.

Элис подкралась к другому окну, осторожно выглянула наружу. Лунный свет заливал поляну перед сторожкой серебристым сиянием, делая ночь почти прозрачной. На опушке леса, в тени старого дуба, стояла фигура в тёмном плаще. Человек не двигался – просто стоял и смотрел прямо на дом.

– Он нас нашёл, – выдохнула Лина.

– Жди здесь, – приказала Элис. – И не высовывайся. Что бы ни случилось.

– Элис, нет! – Лина схватила её за руку. – Это может быть ловушка.

– Может быть. Но если это Гаррисон, я должна его остановить. Здесь и сейчас.

Она высвободилась, бесшумно открыла дверь и выскользнула наружу. Ночной воздух был холодным и свежим, пахло

сырой листвой и дымом – от сторожки или от далёкого костра. Элис двинулась к фигуре, стараясь ступать бесшумно, держа палец на спусковом крючке.

Расстояние сокращалось медленно. Десять метров, восемь, пять. Фигура не двигалась, и это было самое страшное. Она ждала. Знала, что Элис подойдёт.

И когда до дуба осталось всего три шага, луна вышла из-за облака, осветив лицо незнакомца.

Пистолет дрогнул в руках Элис. Она замерла, не веря своим глазам.

Перед ней стоял отец. Постаревший, осунувшийся, с седой бородой и глубокими морщинами, которые прорезали лицо, как русла высохших рек. Но это был он – тот самый человек с фотографии, тот, кого она видела в кабинете год назад, тот, кого она считала погибшим пятнадцать лет.

– Здравствуй, дочь, – сказал он тихо. Голос его звучал хрипло, но в нём было столько тепла, что у Элис подкосились ноги. – Я знал, что ты здесь. Я ждал.

– Зачем ты пришёл? – спросила она, и голос её сорвался. – После всего, после столько лет... зачем?

– Чтобы спасти вас. – Он шагнул ближе, и Элис увидела, что он хромот, опирается на трость. – Гаррисон уже здесь. Он знает про это место. Через час тут будет десяток вооружённых людей. Нужно уходить. Немедленно.

– Почему я должна тебе верить? – Элис не опускала пистолет. – Ты бросил нас. Ты исчез. Ты позволил нам страдать.

– Потому что я твой отец, – ответил он просто. – Потому что я люблю вас. Потому что у нас нет другого выбора. Если ты хочешь меня убить – стреляй. Но сначала спаси сестру.

В этот момент дверь сторожки распахнулась, и на пороге появилась Лина. Увидев мужчину, она замерла, потом медленно, словно во сне, пошла к нему, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и камни.

– Папа? – голос её прозвучал тонко, по-детски, как у маленькой девочки, потерявшейся в лесу. – Папа, это ты?

– Лина... – Он протянул к ней руки, и по щекам его потекли слёзы. – Девочка моя... прости меня. Прости, что не уберег. Прости, что не был рядом. Прости.

Лина бросилась к нему, и они обнялись. Элис стояла в стороне, глядя на эту сцену, и чувствовала, как внутри разрывается сердце. Слишком много боли, слишком много лжи, слишком много лет одиночества. И вдруг она поняла: всё это время она ненавидела не отца – она ненавидела собственную беспомощность, невозможность ничего изменить. А он просто выживал. Как и они.

– Нам нужно идти, – сказал отец, отстраняясь. – Сейчас же. Машина в лесу, в двухстах метрах отсюда. Я отведу вас к Миранде и Алексу.

– Откуда ты знаешь про них? – спросила Элис, опуская пистолет.

– Я знаю всё, – ответил он, глядя ей прямо в глаза. – Все эти годы я следил за вами. Знал каждый ваш шаг, каждую

опасность, каждую радость. Я ждал момента, когда смогу помочь. И теперь этот момент настал.

– Почему не раньше?

– Потому что раньше я был бессилен. Гаррисон был слишком силён, у него были везде свои люди. Любая моя попытка приблизиться к вам могла стоить вам жизни. Я должен был ждать.

– И ты ждал пятнадцать лет?

– И я ждал пятнадцать лет, – кивнул он. – Каждый день, каждую ночь. Думал о вас, молился за вас, надеялся, что вы выживете. И вы выжили. Вы сильнее, чем думаете.

Позади, со стороны сторожки, вдруг раздались выстрелы – резкие, хлёсткие, разрывающие ночную тишину. Крики, топот, треск веток.

– Они здесь! – крикнул отец. – Быстрее!

Они побежали в лес, туда, где в зарослях был спрятан старый джип. Ветки хлестали по лицу, ноги увязали в мокрой траве, но страх гнал их вперёд. Сзади слышались выстрелы и крики – нападавшие уже были у сторожки.

– Сюда! – крикнул отец, показывая на просвет между деревьями.

Они выбежали на небольшую поляну, где стоял старенький внедорожник, замаскированный ветками. Отец запрыгнул за руль, Элис и Лина – на заднее сиденье. Мотор завёлся с пол-оборота, и машина рванула с места, подпрыгивая на корнях и камнях.

В зеркале заднего вида Элис видела, как сторожка загорается ярким пламенем. Огонь взметнулся к небу, освещая лес зловещим оранжевым светом. А на фоне этого огня мелькали чёрные фигуры – люди Гаррисона, оставшиеся ни с чем.

– Они не отстанут, – сказала Лина, глядя назад.

– Не отстанут, – согласился отец. – Но у нас есть фора. И есть план.

– Какой план? – спросила Элис.

– Увидишь. – Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида, и в глазах его мелькнуло что-то, чего она не видела никогда – надежда.

Машина углублялась в лес, унося их от опасности, от прошлого, от всего, что они знали. Впереди была неизвестность. Но впервые за долгие годы Элис чувствовала, что она не одна. Рядом были те, за кого стоило бороться.

И ради этого стоило жить.

Глава 3. Семейный совет

«Семья – это не те, с кем ты связан кровью. Это те, ради кого ты готов умереть. И те, кто готов умереть ради тебя. Мы сидели в тесной лесной хижине, пятеро людей, разбитых жизнью, но связанных чем-то большим, чем любые узы. И впервые за долгие годы я почувствовала, что значит быть дома».

Из дневников специального агента Элис Вуд

Джип продирался сквозь лесные заросли, подпрыгивая на

ухабах и корнях. Отец сидел за рулём, сосредоточенно вглядываясь в темноту, освещаемую только тусклым светом фар. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, Лина не отрываясь смотрела на его профиль, словно пытаясь запомнить каждую чётточку, каждую морщинку, каждую седую прядь в волосах. Элис сидела сзади, сжимая в руке пистолет и поглядывая в заднее стекло – не мелькнут ли среди деревьев фары преследователей.

– Сколько у нас времени? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Час, может быть, два, – ответил отец, не оборачиваясь. – Гаррисон не дурак. Он поймёт, что мы ушли недалеко. У него люди по всему лесу.

– Откуда у него столько людей? – Лина повернулась к нему. – Он же беглец, его ищет полиция.

– У него деньги. Много денег. И связи, которые не исчезают даже после приговора. Он купил себе новую жизнь, новые документы, новую армию. – Отец тяжело вздохнул. – Я недооценил его. Думал, что после того, как вы его разоблачили, он исчезнет. А он только окреп.

– И всё это время ты следил за нами? – Элис подала голос, и в нём зазвучала горечь. – Знал, где мы, знал, что Гаррисон охотится за нами, и ничего не делал?

Отец молчал долгую минуту. Потом остановил машину на небольшой поляне, заглушил двигатель и повернулся к ним. В свете луны его лицо казалось высеченным из камня – ста-

рое, усталое, но с глазами, в которых горел всё тот же огонь, что и на детской фотографии.

– Ты хочешь знать правду, Элис? – спросил он тихо. – Всю правду, без прикрас?

– Давно хочу.

– Тогда слушай. И постарайся понять, прежде чем осуждать.

Он вышел из машины, жестом приглашая их следовать за ним. Лес встретил их сыростью и тишиной. Где-то вдалеке ухала сова, пахло прелой листвой и дымом – может быть, от костра, может быть, от пожара, оставшегося позади.

– Пятнадцать лет назад, когда Гаррисон поджёг наш дом, я думал, что потерял всех, – начал он, глядя куда-то в темноту. – Я выбрался из огня последним, когда уже не мог дышать. Меня нашли случайные люди, отвезли в больницу. А когда я очнулся, мне сказали, что моя жена и трое детей погибли.

– Но мы были живы, – прошептала Лина.

– Я не знал. – Он повернулся к ним, и в его глазах блестели слёзы. – Гаррисон подделал документы, тела, всё. Он хотел, чтобы я думал, что вы мертвы. Чтобы я не искал вас. Чтобы я исчез из его жизни навсегда.

– И ты исчез, – голос Элис звучал обвиняюще.

– Я искал. Боже, как я искал! – Он сжал кулаки. – Годы я потратил на поиски. Нанял детективов, объездил полстраны, перерыл горы документов. Но Гаррисон был умён. Он менял вам имена, перевозил с места на место, прятал в клиниках и

приютах. Я не мог вас найти.

– А потом?

– Потом, лет через пять, я случайно наткнулся на след Лины. Она уже была в «Тихой гавани». Я пытался подобраться к ней, но Гаррисон всё контролировал. Любая моя попытка могла стоить ей жизни. Я решил ждать.

– Ждать? – Лина шагнула к нему. – Ты знал, что я в подвале, и ждал?

– Я не знал про подвал. – Он покачал головой. – Я думал, она просто пациентка. Что она под надзором, но в безопасности. Если бы я знал, что Гаррисон с ней делает... я бы убил его голыми руками.

– А я? – спросила Элис. – Ты знал про меня?

– Тебя я нашёл только три года назад. – Он посмотрел на неё с такой болью, что у Элис перехватило дыхание. – Ты была агентом ФБР, у тебя была новая жизнь, новая семья. Я думал, что, появившись, разрушу всё. Что ты не согласишься, что прогонишь меня. Я решил наблюдать издали.

– Наблюдать, – повторила Элис горько. – Как зритель в театре.

– Как отец, который любит своих детей больше жизни и готов на всё, лишь бы они были счастливы. – Он подошёл к ней, взял за руки. – Прости меня, Элис. Прости, что не был рядом. Прости, что не защитил. Но я здесь сейчас. И я сделаю всё, чтобы спасти вас.

Элис смотрела на него, и в душе боролись гнев и жалость,

обида и понимание. Она вспомнила все свои кошмары, все ночи, когда она просыпалась в холодном поту, все годы одиночества. И рядом с ними – его лицо, его слёзы, его мольба.

– Я не знаю, смогу ли простить, – сказала она наконец. – Но сейчас нам нужно думать о другом. Где Миранда и Алекс?

– В двадцати минутах езды отсюда. – Он отпустил её руки и направился обратно к машине. – Поехали. Они ждут.

Хижина, где прятались Миранда и Алекс, оказалась ещё меньше и убоже, чем лесная сторожка. Вросшая в землю, с покосившейся крышей и заколоченными окнами, она пряталась в глубине оврага, почти незаметная со стороны. Когда джип остановился у входа, дверь распахнулась, и на пороге появилась Миранда.

Она изменилась за год. Исчезла та затравленность, та пустота в глазах, которая была в подвале. Она выглядела старше, увереннее, сильнее. Но при виде Элис и Лины лицо её осветилось такой радостью, что у обеих сжалось сердце.

– Вы вернулись! – закричала она и бросилась к ним.

Они обнялись втроём, прямо посреди леса, под холодным осенним небом. Слёзы смешались, и никто не стеснялся их.

– Я думала, вы не приедете, – шептала Миранда, прижимаясь к Элис. – Я думала, мы больше никогда не увидимся.

– Мы всегда вернёмся, – ответила Элис. – Всегда.

Из хижины вышел Алекс. Он заметно хромотал – сказывалось ранение, полученное год назад. Но в глазах его горел всё

тот же огонь, который Элис помнила по их первой встрече.

– Сестра, – сказал он просто, протягивая руку. – Рад тебя видеть.

– И я тебя, брат.

Они обнялись. Потом Алекс перевёл взгляд на отца, и лицо его изменилось – стало жёстким, настороженным.

– А это кто? – спросил он, не скрывая враждебности.

– Наш отец, – ответила Лина. – Филип Новак.

Алекс замер. Потом медленно подошёл к нему, вглядываясь в лицо.

– Ты мёртв, – сказал он. – Тебя убили пятнадцать лет назад.

– Я жив, – тихо ответил отец. – И я хочу помочь.

– Помочь? – Алекс горько усмехнулся. – Где ты был, когда Лина сидела в подвале? Где ты был, когда Элис искала себя? Где ты был, когда Миранда теряла память? Где ты был, когда я убивал людей, думая, что я один?

– Я был рядом, – ответил отец. – Все эти годы я был рядом. Следил, ждал, надеялся. Я не мог вмешаться, не подвергая вас ещё большей опасности. Но теперь – могу.

– Чем ты докажешь?

– Ничем. – Отец развёл руками. – Только тем, что я здесь. Только тем, что я рисковал жизнью, чтобы найти вас. Только тем, что я готов умереть за вас.

Алекс долго смотрел на него. Потом протянул руку.

– Посмотрим, – сказал он. – Времени у тебя будет немно-

го.

Отец пожал его руку, и в этом рукопожатии было столько боли, столько надежды, столько прощения, сколько не вместила бы ни одна книга.

Они вошли в хижину. Внутри было тесно, но уютно – самодельные кровати, печка-буржуйка, запах сушёных трав и старого дерева. На столе лежала карта, испещрённая пометками.

– Мы разрабатывали план, – сказал Алекс, указывая на карту. – Гаррисон, скорее всего, базируется где-то в этом районе. У него есть люди, оружие, деньги. Нападать в лоб – самоубийство.

– А что предлагаешь ты? – спросила Элис.

– Заманить его в ловушку. – Алекс ткнул пальцем в точку на карте. – Здесь старый завод, заброшенный. Место глухое, но с несколькими входами и выходами. Мы можем устроить засаду.

– Слишком рискованно, – покачал головой отец. – Гаррисон не дурак. Он не пойдёт туда без подготовки.

– А если у него не будет выбора? – спросила Лина.

Все обернулись к ней.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Элис.

– Если у него будет то, что он хочет больше всего на свете. Документы отца.

– Но у нас их нет, – напомнила Миранда. – Кто-то их украл.

– Знаю. – Лина посмотрела на отца. – Но он не знает. Мы можем сделать вид, что они у нас. Назначить встречу. А когда он придёт...

– Попадёт в ловушку, – закончил Алекс.

– А если он приведёт людей?

– Тогда нам придётся быть готовыми ко всему.

Отец долго молчал, обдумывая план. Потом медленно кивнул.

– Это может сработать, – сказал он. – Но нам нужно оружие. Много оружия. И связь с внешним миром на случай, если что-то пойдёт не так.

– Я могу связаться с Марти, – предложила Элис. – Он может.

– Ты уверена, что ему можно доверять?

– Это Марти. Я доверяю ему как себе.

– Хорошо. – Отец встал. – Тогда давайте готовиться. Времени у нас мало.

Они просидели до утра, обсуждая детали. Каждый внёс свою лепту – Лина предлагала варианты отступления, Миранда рисовала схему завода по памяти, Алекс распределял роли, Элис продумывала связь с внешним миром, а отец координировал всё, поражая детей знанием местности и психологии врага.

Когда за окном забрезжил рассвет, они наконец закончили. Усталые, но полные решимости, они смотрели друг на друга, и впервые за долгие годы каждый из них чувствовал,

что он не один.

– Мы справимся, – сказала Элис. – Потому что мы семья.

– Семья, – эхом отозвались остальные.

За окном вставало солнце. Новый день принёс новые надежды и новые страхи. Но они были вместе. И это было главное.

Глава 4. Возвращение сестры

«Есть встречи, которые невозможно описать словами. Когда две души, разлученные годами боли и молчания, наконец находят друг друга – это похоже на возвращение домой после долгой войны. Ты пахнешь порохом и кровью, ты изранен и сломлен, но порог, который ты переступаешь, принимает тебя таким, какой ты есть. И ты знаешь – здесь тебя не осудят. Здесь тебя любят. Здесь ты можешь упасть и знать, что тебя поднимут. Здесь ты можешь плакать и знать, что слёзы твои разделят. Здесь ты можешь молчать – и это молчание поймут без слов. Потому что они – твоя семья».

Из дневников Лины Новак

Утро после бессонной ночи выдалось холодным и ясным. Таким, какими бывают только осенние утра в глубине леса, когда воздух прозрачен до звона, а каждый звук разносится на мили вокруг. Осеннее солнце медленно поднималось над верхушками вековых сосен, окрашивая лес в золотисто-багряные тона – багрянец клёнов, золото берёз, тёмную зелень

елей, – но в маленькой хижине, затерянной среди этого великолепия, никто не замечал красоты. Все были слишком погружены в свои мысли, в свои страхи, в свои надежды, в ту тягучую смесь эмоций, которая называется ожиданием.

Лина вышла на крыльцо первой. Она всегда любила встречать рассвет – даже в клинике, даже в подвале, где рассвет был только в её воображении. Теперь же, когда она могла видеть его по-настоящему, это стало ритуалом, почти священнодействием. Она стояла, вдыхая свежий, чуть морозный воздух, и чувствовала, как прохлада проникает под тонкую куртку, заставляя кожу покрываться мурашками. Где-то вдалеке перекликались птицы, пахло прелой листвой и дымом – может быть, от костра, может быть, просто осенью, тем особенным запахом увядания, который одновременно печалит и успокаивает.

Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод уже пробрался внутрь, поселился в костях, напоминая о всех тех зимах, которые она провела в бетонном мешке без окон. И вдруг почувствовала, как на плечи ложится что-то тёплое, тяжёлое, уютное – чей-то плед, пахнувший лавандой и домом.

– Замёрзнешь, – сказала Миранда, садясь рядом на ступеньку. Она была в тёплом свитере, с распущенными волосами, которые ветер тут же начал трепать, бросая пряди на лицо. – Ты всегда забывала одеваться по погоде. Помню, в детстве ты могла выбежать босиком по снегу, если тебя что-то увлекало. Мама кричала, ругалась, а ты смеялась и бежа-

ла дальше.

Лина улыбнулась, кутаясь в плед. Улыбка вышла грустной, но тёплой.

– Ты помнишь детство? – спросила она, поворачиваясь к сестре. – Не то, что тебе внушили, не то, что ты видела в кошмарах, а настоящее?

– Кусочками, – ответила Миранда, глядя на лес. Глаза её были спокойны, но в глубине их тлел огонёк – тот самый, который гас в подвале и теперь разгорался снова. – Как пазл, который постепенно складывается. Иногда ночью, перед сном, приходит картинка – качели, солнце, чей-то смех. Иногда запах – сирени, свежего хлеба, маминых духов. Я хватаюсь за эти ощущения, боюсь потерять, боюсь, что это снова уйдёт. Но чем больше я вспоминаю, тем больше понимаю, что мы были счастливы. До всего этого ужаса.

– Были, – согласилась Лина. Голос её дрогнул. – Отец... он был хорошим отцом. Любящим. Заботливым. Несмотря на все свои ошибки, на свою одержимость работой, на то, что не всегда был рядом. Я помню, как он качал нас на качелях – деревянных, старых, скрипучих. Мы визжали от восторга, требовали: «Выше! Выше!», а он смеялся и говорил, что мы вырастем и улетим. Я помню, как он читал нам сказки на ночь – у него был такой голос, глубокий, спокойный, от которого становилось тепло и безопасно. Я помню, как он учил нас плавать в озере – держал над водой, пока мы болтали руками и ногами, а потом вдруг отпускал, и мы плыли.

Сами. Впервые.

– А я помню, как ты учила меня читать, – сказала Миранда, и в голосе её появились слёзы – не горькие, а светлые, благодарные. – Мне было лет пять, я не могла запомнить буквы, путала «б» и «д», злилась, плакала, бросала книжки. А ты сидела со мной часами, показывала картинки, придумывала истории, где каждая буква была героем. Помнишь? «А» была акулой, «Б» – бегемотом, «В» – вороной. Ты говорила: «Если научишься читать, откроешь целый мир». Я тогда не понимала, но запомнила. И когда потом, в подвале, я смотрела на стены и видела буквы, которые складывались в слова, я вспоминала тебя. Твой голос. Твоё терпение.

Лина посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом. Миранда изменилась – это было видно невооружённым глазом. Исчезла та забитость, та вечная готовность съёжиться, спрятаться, исчезнуть, которая была в подвале. Исчезла пустота в глазах, то жуткое отсутствие жизни, которое пугало больше любых ран. Она выглядела старше, увереннее, сильнее. Год нормальной жизни – с заботой, с вниманием, с любовью – сделал своё дело.

– Ты стала другой, – сказала Лина. – Сильнее.

– Пришлось, – Миранда пожала плечами, но в этом жесте не было равнодушия – только принятие. – Когда ты переживаешь такое, у тебя есть два пути: сломаться или стать сильнее. Я была на грани, много раз. Хотела умереть, честно. Думала, что легче не быть, чем чувствовать эту боль каждую

секунду. Но Алекс... он не дал мне сломаться.

– Алекс? – Лина подняла бровь, вглядываясь в лицо сестры. – Вы сблизились?

– Он был рядом, когда мне было плохо. – Миранда отвела взгляд, но на щеках её появился румянец – не от мороза. – Когда я просыпалась ночью с криком, когда не могла дышать от кошмаров, когда казалось, что стены снова сжимаются вокруг меня – он был рядом. Просто сидел, держал за руку, молчал. Иногда рассказывал о своём детстве, о том, как Гаррисон его сломал. О том, как он выживал, как ненавидел, как мечтал о мести. Я слушала и понимала: я не одна. Моя боль – не единственная в мире. Есть кто-то, кто чувствует то же самое.

– Ты его любишь?

Вопрос повис в воздухе, прозрачный и острый, как осенний воздух. Миранда покраснела густо, до корней волос.

– Я не знаю, – призналась она тихо. – Может быть. Это так странно – любить после всего, что было. Иногда мне кажется, что я разучилась чувствовать. Что внутри меня пустота, выжженная земля, на которой ничего не растёт. А иногда – что сердце разорвётся от нежности, когда он рядом. Я боюсь этого чувства. Боюсь, что оно обманчиво, что это просто благодарность, что я путаю одно с другим.

– Это и есть любовь, – улыбнулась Лина. – Когда не знаешь, что чувствуешь, но без человека уже не можешь. Когда боишься потерять, но ещё больше боишься признаться. Ко-

гда думаешь о нём каждую минуту, даже когда пытаешься не думать.

– Откуда ты знаешь? – Миранда подняла на неё глаза. – Ты же говорила, что у тебя никого не было.

– Было. – Лина отвела взгляд. – Давно. Ещё до клиники. Мальчик из соседнего городка, красивый, дерзкий, старше меня на пару лет. Мы встречались тайком, прятались от родителей, писали друг другу записки. Я думала, что это навсегда. А потом случился пожар, и я оказалась в подвале. Он приходил первое время, пытался прорваться, но Гаррисон его прогнал. А потом он перестал приходить. Я не знаю, что с ним стало. Может быть, жив, может быть, нет. Но чувство осталось. То самое – когда сердце болит, даже если прошло много лет.

Они помолчали, глядя на лес. Где-то вдалеке послышался шум мотора – машина, далеко, может быть, на старой лесовозной дороге. Звук быстро затих, растворился в утренней тишине, но осадок остался – тревожный, липкий.

– А ты? – спросила Миранда, поворачиваясь к Лине. – У тебя сейчас кто-то есть?

– Нет. – Лина покачала головой. – После всего, что было, я не могу. Я пыталась, честно. В Канаде, пока мы скрывались, был один мужчина, местный, добрый, заботливый. Он ухаживал за мной, носил цветы, говорил красивые слова. А я сидела и думала: зачем? Зачем ему это? Что он хочет от меня? Когда он пытался меня поцеловать, меня чуть не вы-

рвало от страха. Я закрываюсь, Миранда. Каждый раз, когда кто-то приближается, во мне включается защитный механизм. Боюсь.

– Чего?

– Что снова потеряю. Что снова останусь одна. Что меня снова предадут. Что он окажется таким же, как Гаррисон, как те санитары, как все, кто делал мне больно. Я не умею доверять. Совсем.

– Тебя никто не предаст, – твёрдо сказала Миранда, беря её за руку. – Мы здесь. Мы с тобой. Всегда. И если когда-нибудь ты встретишь человека, который захочет быть с тобой по-настоящему – мы поможем тебе поверить. А если он окажется не тем – мы поможем его прогнать.

Лиана посмотрела на неё, и в глазах её блеснули слёзы.

– Ты правда так думаешь?

– Я знаю. – Миранда сжала её руку. – Потому что ты моя сестра. И я никогда не дам тебя в обиду.

Они обнялись, и в этом объятии было столько тепла, сколько не могли дать все костры мира. Две женщины, пережившие ад, нашедшие друг друга и держащиеся друг за друга, как за единственный якорь в штормовом море.

Дверь хижины открылась, и на крыльцо вышел Алекс. Он хромал сильнее обычного – сказывалась усталость, бессонные ночи и, возможно, начинающаяся простуда. Но глаза его светились тем особенным светом, который появляется, когда знаешь, что рядом те, кто дорог.

– Элис зовёт всех, – сказал он, останавливаясь в дверях. – Новости от Марти. Похоже, Гаррисон объявился.

– Плохие? – спросила Лина, поднимаясь.

– Всякие. – Алекс пожал плечами. – Но лучше узнать сразу, чем гадать.

Они вернулись в хижину. Внутри было натоплено, пахло травами и сосновой смолой. Элис сидела за столом с ноутбуком, на экране мерцал защищённый канал связи. Рядом стоял отец, вглядываясь в карту, разложенную на столе. Лицо его было сосредоточенным, но в глазах читалось то же напряжение, что и у всех.

– Марти подтвердил, – сказала Элис, поднимая глаза. Голос её звучал ровно, но Лина знала сестру достаточно, чтобы уловить в нём металлические нотки. – Гаррисон действительно в этом районе. У него база в старом охотничьем домике, километрах в тридцати отсюда, вот здесь. – Она ткнула пальцем в карту. – Около десяти человек, хорошо вооружены, обучены. Это не случайные бандиты, а профессионалы. Наёмники.

– Десять на пятерых, – присвистнул Алекс, разглядывая карту. – Неплохие шансы, если учесть, что мы на своей территории, а они – на чужой.

– У нас есть преимущество – внезапность, – добавил отец. – Они не знают, что мы здесь. Не знают, что мы в курсе их планов. И не знают, что у нас есть информация изнутри.

– А что значат? – спросила Лина, вглядываясь в карту. –

Его планы? Чего он хочет?

– Он хочет нас всех, – ответила Элис. – Не просто убить. Уничтожить. Стереть с лица земли. По его словам, которые передал Марти, он считает, что мы разрушили его жизнь, и теперь он хочет разрушить нашу. Медленно. С наслаждением.

– Он всегда был садистом, – тихо сказала Лина. – Я помню, как он смотрел на меня в клинике. Как улыбался, когда мне делали больно. Для него страдание – это искусство.

– Значит, мы не имеем права проиграть, – твёрдо сказала Элис. – Потому что проигрыш для нас будет означать не просто смерть, а нечто худшее.

– То есть мы будем нападать? – спросил Алекс, поглаживая рукоять пистолета.

– Нет. – Элис покачала головой. – Мы не будем нападать. Мы заманим их в ловушку. Вот сюда. – Она указала на точку в глубине леса. – Старый карьер, заброшенный, с одной дорогой на вход и одной на выход. Если они войдут туда, вернуться будет трудно. Марти вызовет спецназ, они перекроют оба выхода. А мы будем внутри, как приманка.

– То есть мы будем живцом? – уточнила Миранда. – Они увидят нас и пойдут?

– Они увидят то, что захотят увидеть. – Элис усмехнулась. – Бумаги, которые Гаррисон ищет. Мы сделаем муляж, оставим в машине, а сами спрячемся. Они клонут.

– А если не клонут?

– Тогда у нас будет бой. Открытый, честный, без хитростей. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Повисла тишина. Каждый думал о своём, но мысли сходились в одной точке – завтрашний день может стать последним. Последним рассветом, последним закатом, последним вздохом.

– Я хочу сказать тост, – вдруг произнесла Миранда. Голос её дрогнул, но она взяла себя в руки. Все удивлённо посмотрели на неё. – У нас нет вина, но есть вода. Чистая, родниковая, настоящая. Я хочу выпить за нас. За то, что мы нашли друг друга. За то, что мы семья. За то, что, что бы ни случилось завтра, мы сделали это правильно. Мы не сдались. Мы не предали. Мы были вместе.

Она подняла кружку с водой. В свете керосиновой лампы вода казалась золотистой, как самое дорогое вино. Остальные последовали её примеру.

– За семью, – сказала Элис, и голос её звучал твёрдо, как никогда.

– За семью, – эхом отозвались остальные.

Они пили воду, и в этот момент каждый чувствовал, что действительно не один. Что за спиной – стена, которую не пробить. Что впереди – свет, который не погасить.

Ночь прошла тревожно. Никто не спал – все сидели у печки, слушая вой ветра за стеной и рассказывая истории из жизни. Это был не просто разговор – это был ритуал, передача памяти, скрепление уз, которые должны были выдержать

завтрашний бой.

Алекс рассказывал о годах скитаний после побега от Гаррисона. О том, как жил в лесу, питался кореньями и мелкой дичью, как боялся людей, как каждую ночь просыпался от кошмаров, в которых его настигало прошлое.

– Я думал, что сойду с ума, – говорил он, глядя на огонь. – Одиночество – это страшная вещь. Когда не с кем поговорить, когда каждый звук кажется угрозой, когда ты начинаешь слышать голоса – свои собственные, но чужие. Я разговаривал с деревьями, с птицами, с ветром. Они отвечали мне. Я знаю, это звучит безумно, но это спасало.

Лина рассказывала о десяти годах молчания. О том, как она научилась жить без слов, как читала по губам, как понимала людей по движениям, по взглядам, по дыханию.

– Самое страшное было не молчать, – призналась она. – Самое страшное было слышать. Слышать, как они обсуждают мою смерть, как планируют, как смеются. Я лежала в своей камере и слушала, как за стеной решают, сколько мне ещё жить. Это было хуже любой пытки.

Миранда рассказывала о возвращении памяти. О том, как кусочек за кусочком собирала себя заново, как училась доверять миру, как боялась, что однажды проснётся и снова ничего не вспомнит.

– Алекс научил меня не бояться, – сказала она, глядя на него с такой нежностью, что у всех сжалось сердце. – Он говорил: «Память – это дом. Иногда двери закрываются, но они

не исчезают. Просто нужно найти ключ».

Элис рассказывала о поисках себя. О том, как стала агентом ФБР, как искала пропавших людей, не зная, что ищет себя. О том, как встретила Дэвида, как полюбила его как брата, как потеряла.

– Он был светом, – прошептала она. – В самой тёмной тьме он был светом. И когда он ушёл, я думала, что свет погас навсегда. Но вы... вы зажгли новый.

А отец слушал и плакал. Плакал, понимая, сколько боли причинила им жизнь. Сколько лет они провели в разлуке, сколько страданий выпало на их долю. И в каждом его вздохе, в каждой слезе была мольба о прощении, которую он не смел произнести вслух.

Под утро, когда небо за окном начало светлеть, а огонь в печке догорел до красных углей, Лина подошла к Элис. Сестры стояли у окна, глядя, как первые лучи солнца пробиваются сквозь туман.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – прошептала Лина. – То, что не говорила никогда. Даже себе.

– Что? – Элис повернулась к ней.

– Ты спасла меня. Не тогда, когда вытащила из клиники. Не тогда, когда нашла документы. А раньше. В детстве. Ты была моей защитой. Когда мама умерла, когда отец пропал на работе, когда Саймон замыкался в себе и не замечал ничего вокруг – ты была рядом. Ты держала меня за руку, когда я боялась темноты. Ты рассказывала мне сказки, когда

я не могла уснуть. Ты говорила, что всё будет хорошо, и я верила. Потому что ты никогда не обманывала.

– Я не помню, – прошептала Элис. Голос её дрожал.

– Ты не помнишь, потому что память стёрли. Гаррисон забрал у тебя не только имя – он забрал твоё прошлое. Но это было. Ты всегда была моей сестрой. Не по крови – по сердцу. По выбору. По любви.

– Я помню, – вдруг сказала Элис, и глаза её расширились.
– Я помню.

– Что?

– Всё. – Элис улыбнулась сквозь слёзы. – Я помню наш дом. Помню сад с яблонями. Помню, как мы играли в прятки, и ты всегда пряталась за старым дубом, а я делала вид, что не вижу тебя, чтобы ты радовалась. Помню, как ты плакала, когда у тебя выпал первый зуб, и я обещала, что зубная фея принесёт тебе подарок. Помню твой смех – звонкий, как колокольчик. Помню тебя.

Они обнялись, прижались друг к другу, и в этом объятии было столько боли и столько счастья, сколько не вместила бы ни одна человеческая жизнь.

За окном солнце поднялось над лесом, осветив хижину золотистым светом. Новый день начинался. Самый страшный день в их жизни. Но они встретят его вместе. Потому что они – семья. И это главное.

«Каждый человек носит в себе тайны, способные разрушить не только его жизнь, но и жизни тех, кого он любит. Я думал, что, спрятав правду глубоко внутри, я защищу своих детей. Я ошибался. Правда всегда находит способ вырваться наружу. И когда это происходит, она бьёт сильнее, чем самый страшный удар. Потому что вместе с правдой приходит понимание: все эти годы ты жил во лжи, которую создал сам, чтобы не смотреть в глаза собственной слабости».

Из дневников Филипа Новака

Солнце поднялось высоко, но в хижине царил густой, тягучий полумрак. Заткнутые тряпками щели не пропускали дневной свет, и только печка отбрасывала красноватые, пульсирующие отсветы на бревенчатые стены, создавая причудливые тени, которые плясали в такт дыханию собравшихся. Эти тени жили своей жизнью – они извивались, тянулись к людям, обволакивали их, словно хотели задушить, забрать с собой в ту бездну, откуда они выползли. Все пятеро сидели вокруг грубо сколоченного стола, заваленного картами, оружейными обоймами, остатками скудного завтрака и смятыми листками с торопливыми записями. Напряжение висело в воздухе, густое и липкое, как смола, готовая вспыхнуть от малейшей искры – неосторожного слова, резкого движения, тяжёлого вздоха.

Элис первой нарушила молчание. Она смотрела на отца долгим, испытующим взглядом – тем самым, каким она

на допросах смотрела на самых опасных преступников, на убийц и маньяков, которые думали, что смогут её обмануть. В этом взгляде не было ненависти, но и доверия не было тоже. Была только холодная, расчётливая сталь профессионала, который готов услышать любую правду, какой бы чудовищной она ни была.

– Ты говорил, что у тебя есть план, – произнесла она ровно, но в голосе звенела та самая сталь, от которой у преступников подгибались колени. – Ты говорил, что знаешь, как остановить Гаррисона. Пришло время рассказать всё. Без утайки, без недомолвок, без этой твоей проклятой отеческой заботы, которая, как выяснилось, стоила нам пятнадцати лет ада. Мы имеем право знать, во что ввязываемся. Мы имеем право выбирать, умирать нам или нет.

Отец тяжело вздохнул. Он сидел во главе стола, ссутулившись так, словно на плечи ему давила невидимая ноша весом в целый мир. Морщины на его лице стали глубже, резче, превратив кожу в подобие старого пергамента, на котором записана история множества смертей и предательств. Руки, лежащие на столе, заметно дрожали – мелкой, противной дрожью, которую он не мог контролировать. Перед ним стояла кружка с остывшим чаем, к которой он не притронулся. Жидкость покрылась тонкой плёнкой, и в ней, как в мутном зеркале, отражались пляшущие тени.

– Ты права, – ответил он наконец. Голос его звучал глухо, словно из глубокого, затхлого колодца, на дне которого

годами копила гнилая вода. – Вы заслуживаете знать всю правду. Даже ту, которую я надеялся унести с собой в могилу. Даже ту, от которой вам, возможно, станет ещё больнее.

Алекс, сидевший у окна с винтовкой на коленях, нервно хмыкнул. Он то и дело поглядывал на лес за стеклом – не мелькнёт ли там тень, не блеснёт ли ствол. Но лес был тих, слишком тих, словно замер в ожидании.

– Звучит как начало хорошей трагедии, – сказал он, не скрывая сарказма. – Только не говори, что это мы виноваты во всём. Потому что я, знаешь ли, уже устал чувствовать себя виноватым. Моя совесть и так перегружена.

– Нет, – отец покачал головой, и в этом движении была такая усталость, что у всех сжалось сердце. – Виноват только я. И Гаррисон. Но корни этой вражды уходят гораздо глубже, чем вы думаете. Гораздо глубже, чем та пропасть, в которую мы все смотрели.

Он помолчал, собираясь с мыслями, словно ворочал тяжёлые камни в глубине своего сознания. Потом заговорил, и голос его, поначалу тихий, постепенно крепчал, наливаясь силой, которую, казалось, уже невозможно было отыскать в этом измождённом теле.

– Вы знаете, что Гаррисон и я были коллегами. Мы вместе учились, вместе работали в клинике, вместе разрабатывали методы лечения. Но вы не знаете, что мы были... братьями.

Тишина стала абсолютной. Даже огонь в печке, казалось, перестал трещать, даже тени замерли на стенах, прислуши-

ваясь. Алекс перестал дышать. Миранда зажала рот рукой. Лина побелела так, что стала похожа на призрака. Элис лишь сильнее сжала кулаки, готовясь к самому страшному.

– Братьями? – переспросила Лина, и в голосе её звучало не просто недоверие – звучала мольба. Мольба о том, чтобы это оказалось неправдой. – Ты хочешь сказать, что Гаррисон – твой брат? Что человек, который десять лет держал меня в подвале, который убил нашу маму, который сломал нам всем жизнь, – твой брат?

– Единокровный, – кивнул отец, и этот кивок был тяжелее любого признания. – У нас была одна мать и разные отцы. Она вышла замуж за моего отца, когда мне было пять, и через год родила Гаррисона. Я помню его младенцем – маленький, сморщенный, крикливый. Я думал, что у меня появился брат, друг на всю жизнь. Я носил его на руках, качал, когда он плакал. Я любил его.

– А он? – спросила Элис тихо.

– Он завидовал. Всегда. С самого детства. – Отец провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть с него тени прошлого. – Завидовал тому, что наш отец любил меня больше. Что я был успешнее в учёбе, что мне легче давались науки, что у меня был талант к музыке и рисованию. Он считал, что всё это должно было достаться ему. Что я украл его жизнь.

– А когда отец умер, – продолжил Алекс, уже догадываясь, – он оставил всё тебе?

– Всё. Дом, землю, деньги. И главное – научные разработ-

ки нашего деда, знаменитого психиатра, который первым начал эксперименты с изменением сознания через творчество. Эти разработки стоили целое состояние. Гаррисон считал, что имеет на них право. Я считал иначе.

– И поэтому он убил наших родителей? – Миранда произнесла это шёпотом, но в тишине хижины её голос прозвучал как набат.

– Не только поэтому. – Отец сжал кулаки так, что костяшки побелели. – Он хотел не просто денег. Он хотел мою жизнь. Мою семью. Моих детей. Он хотел, чтобы я страдал так же, как страдал он, чувствуя себя обделённым, никому не нужным, второсортным. Он хотел, чтобы я познал ту пустоту, которая жила в нём с детства.

– Но ты выжил, – заметила Элис. – Он думал, что убил всех, а ты каким-то чудом выбрался.

– Да. И это его бесило больше всего. – Отец позволил себе горькую усмешку. – Я стал его навязчивой идеей, его личным демоном. И следующие пятнадцать лет я только тем и занимался, что собирал на него досье. Каждое его преступление, каждая смерть, каждый подкуп, каждая связь, каждая тёмная сделка – всё это записано, задокументировано, спрячено в надёжном месте. Я ждал. Ждал момента, когда смогу нанести удар.

– Где? – Алекс подался вперёд, и в глазах его зажёгся опасный огонёк. – Где эти документы?

– Там, где он никогда не догадается искать. – Отец позво-

лил себе слабую улыбку – первую за весь разговор. – В доме нашего детства. Том самом, который он сжёг дотла.

– Но дом сгорел, – возразила Лина. – Мы видели. Я помню эти обугленные стены, этот пепел.

– Дом сгорел, но подвал уцелел. Он был сложен из камня, и огонь не смог его уничтожить. А в подвале есть тайник, о котором знал только я. Мой дед показал его мне, когда мне было десять лет. Гаррисон о нём не знал. И все эти годы документы лежали там, в железном ящике, замурованные в стену, ожидая своего часа.

Элис вскочила так резко, что стул с грохотом опрокинулся.

– Так чего мы ждём? – воскликнула она. Глаза её горели.
– Едем и забираем! Сейчас же!

– Не так быстро, – остановил её отец, поднимая руку. Жест был властным, но рука дрожала. – Во-первых, это далеко, в нескольких сотнях миль отсюда. Во-вторых, за нами следят. Гаррисон наверняка уже выставил посты на всех дорогах, ведущих из этого леса. У него есть люди, техника, связи. Если мы попытаемся уехать все вместе, нас перехватят.

– А в-третьих? – спросила Миранда, чувствуя подвох.

– А в-третьих... – Отец вздохнул. – Документы заперты в сейфе, который открывается только моим отпечатком пальца и моим голосом. Биометрическая система, старомодная, но надёжная. Я должен быть там лично.

Алекс присвистнул и откинулся на спинку стула.

– Старомодная предосторожность. Твой дед, похоже, был тем ещё параноиком.

– Мой дед был гением. И он прекрасно знал цену тому, что хранил. Он не доверял никому – ни жене, ни детям, ни адвокатам. – Отец развёл руками. – Так что план прост: мы должны добраться до старого дома, забрать документы и передать их в ФБР. Но для этого нужно отвлечь Гаррисона. Заставить его смотреть в другую сторону.

– Чем? – спросила Миранда, и голос её дрогнул. Она уже догадывалась, каким будет ответ.

– С собой. – Отец посмотрел на неё с бесконечной грустью и любовью. – Я выйду на связь с Гаррисоном и назначу встречу. Скажу, что готов отдать всё, если он гарантирует вашу безопасность. Он, конечно, не поверит ни единому моему слову, но любопытство заставит его прийти. Жадность заставит его прийти. Ненависть заставит его прийти. А пока он будет ждать меня в условленном месте, вы поедете за документами.

– Нет. – Элис сказала это твёрдо, как отрезала. – Нет, папа. Это самоубийство. Ты же понимаешь. Он не оставит тебя в живых.

– Возможно. – Отец пожал плечами с таким спокойствием, словно речь шла о погоде на завтра. – Но выбора у нас нет. Если мы не достанем эти бумаги, Гаррисон продолжит охоту. Он будет преследовать вас до конца ваших дней. Он не остановится, пока не уничтожит всех, кто носит фами-

лию Новак. Я слишком долго ждал. Слишком долго прятался. Пора заканчивать.

– Я поеду с тобой на встречу, – заявил Алекс, вставая. Винтовка упала на пол, но он не обратил на это внимания. – Вдвоём у нас больше шансов. Я прикрою.

– А кто повезёт девушек к документам? – возразил отец. – Им нужна защита. В лесу может быть опасно. Гаррисон мог оставить там засаду.

– Я могу защитить себя сама, – отрезала Элис, и в голосе её зазвенела та сталь, которую она оттачивала годами работы в ФБР. – Я агент, между прочим. Я проходила подготовку. Я умею стрелять.

– Против десятка вооружённых головорезов? – усмехнулся Алекс. – В открытом лесу, где каждый куст может таить опасность?

– У меня есть Марти. – Элис достала телефон, помахала им в воздухе. – Он подключит спецназ. Как только мы подадим сигнал, они будут здесь через двадцать минут.

– Который приедет через час, когда всё уже будет конечно, – парировал Алекс. – Ты же знаешь, как работает бюрократия. Сначала подтверждение, потом разрешение, потом выдвижение. Гаррисон не будет ждать.

– Хватит! – Лина стукнула кулаком по столу так сильно, что подпрыгнули кружки. Все замолчали, удивлённо глядя на неё. Никто не ожидал от тихой, молчаливой Лины такой вспышки. – Мы семья или кто? Мы будем решать вместе. Ни-

кто не пойдёт на верную смерть в одиночку. Никто не будет жертвовать собой ради других. Мы разработаем план, который устроит всех. И точка.

Отец посмотрел на неё с гордостью. В его глазах блеснули слёзы.

– Ты права, дочка. Прости старика. Я привык всё решать сам. Привык нести этот груз в одиночку. Но теперь у меня есть вы. И это... это самое большое счастье в моей жизни.

Они снова склонились над картой. Следующие несколько часов пролетели как одно мгновение. Они обсуждали детали, рисовали схемы, распределяли роли, спорили до хрипоты и снова мирились. Элис связалась с Марти через защищённый канал и получила координаты спецназа, готового выдвинуться по первому сигналу. Алекс проверил каждую единицу оружия, каждый патрон, каждый нож. Миранда, у которой оказался удивительный талант к ориентации на местности, проложила три возможных маршрута к старому дому – основной, запасной и аварийный.

Лина сидела в углу и молча наблюдала за ними. В её голове зрел свой план – план, о котором она пока никому не говорила. План, который мог стоить ей жизни. Но если он сработает, он спасёт всех.

Когда стемнело, и в хижину заползли густые синие сумерки, отец объявил:

– Завтра на рассвете выступаем. Элис, Алекс и Миранда едут за документами. Я и Лина остаёмся, чтобы отвлечь Гар-

рисона.

– Почему Лина? – насторожилась Элис. – Почему не я? Я лучше подготовлена.

– Потому что Лина знает местность лучше всех. – Отец посмотрел на дочь. – Она провела здесь много времени, пока вы скрывались. Она знает каждую тропинку, каждый овраг, каждое убежище. И потому что ей я доверяю больше всех.

Лина перехватила взгляд отца и едва заметно кивнула. Она знала, что он задумал. И была согласна.

Ночь прошла тревожно. Никто не спал – все готовились к завтрашнему дню, который мог стать для них последним. Элис в сотый раз проверяла снаряжение, раскладывая его по полочкам и перебирая с маниакальной тщательностью. Алекс точил нож – длинный, страшный, с чёрной рукоятью, – и лезвие поблёскивало в свете керосиновой лампы, как змеиный язык. Миранда сидела в углу, шепча молитву, и слёзы текли по её щекам. А отец писал прощальные письма – на всякий случай. Он знал, что может не вернуться.

Лина вышла на крыльцо. Ночь была холодной, звёздной, такой, какие бывают только в глубоком лесу, вдали от городских огней. Тысячи звёзд горели в чёрном бархате неба, и казалось, что они смотрят на неё, ждут, оценивают. Она смотрела на небо и думала о Дэвиде. О том, как он любил смотреть на звёзды, как мог часами лежать на траве и рассказывать ей истории о созвездиях. О том, что он сейчас, наверное, смотрит на них откуда-то сверху и ждёт, когда они

закончат то, что начали.

– Не спится? – раздался голос за спиной.

Лина обернулась. Подошёл Алекс. Он был без куртки, в одной рубашке, и на его плечи падал серебристый свет луны.

– Не могу, – ответила она. – Слишком много мыслей. Они роятся в голове, как пчёлы, и не дают покоя.

– Понимаю. – Он встал рядом, закурил. Красный огонёк сигареты вспыхнул в темноте, как маленький сигнал бедствия. – Я тоже не сплю. Вспоминаю всё, что было. Всё, что я натворил. Всех, кого убил.

– Ты не виноват, Алекс. – Лина повернулась к нему. – Гаррисон сделал тебя таким. Он сломал тебя, как ломают игрушки. Ты не отвечал за свои поступки.

– Не важно. – Он покачал головой. – Я всё равно отвечу за них. Перед Богом, перед собой, перед теми, кого лишил жизни. Если выживу завтра, я пойду в полицию. Сдамся. Расскажу всё.

– Выживешь. – Лина взяла его за руку. Рука была тёплой, живой. – Мы все выживем. Потому что мы вместе.

– Откуда такая уверенность? – Он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

– Потому что мы сила. Когда мы вместе, мы – сила. Гаррисон одинок, у него нет никого, кроме наёмников, которые бросят его при первой же опасности. А у нас есть друг друг. Это наше главное оружие.

Алекс посмотрел на неё, потом кивнул.

– Знаешь, Лина, ты очень похожа на отца. Та же решимость, та же вера в лучшее. И та же готовность жертвовать собой.

– Надеюсь, это поможет нам завтра.

– Поможет. – Он сжал её руку в ответ. – Обязательно поможет.

Они стояли на крыльце, глядя на звёзды, и молчали. В этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре.

Утро наступило слишком быстро. Серое, холодное, с мелким морозящим дождём, который зарядил с рассветом и, казалось, будет идти вечно. Они позавтракали в последний раз – впроголодь, потому что кусок в горло не лез, – проверили снаряжение, переглянулись. В каждом взгляде было обещание: «Я вернусь».

– Встречаемся здесь через два дня, – сказал отец, обращаясь к Элис. – Если через два дня нас не будет – значит, всё пошло не по плану. Тогда вызывайте спецназ, забирайте документы и уходите как можно дальше. Не ищите нас.

– Мы вернёмся, – твёрдо сказала Элис. – Все. Слышишь? Все.

Они обнялись на прощание. Элис, Алекс и Миранда сели в старый джип, и мотор зарычал, разрывая утреннюю тишину. Машина скрылась за деревьями, унося их навстречу неизвестности.

Отец и Лина остались у хижины. Дождь моросил, заставляя ёжиться, но они стояли под ним, глядя вслед уехавшим.

– Ну что, дочка, – сказал он, кладя руку ей на плечо. – Пора звонить моему дорогому братцу. Пора заканчивать этот танец, который длится уже пятнадцать лет.

Лина кивнула и достала спутниковый телефон. Экран загорелся в сером утреннем свете, как маленький маяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.